

- Вы будет спать снизу, а я – сверху.
- Я могу и сверху.
- Но я предпочитаю сверху!
- Ладно, как скажете, но если что – без проблем.

...Режиссер-лауреат, которая только что рухнула на нижнюю полку вагона поезда «Лев Толстой», следующего по маршруту Выборг – Москва, утомившись от церемонии закрытия фестиваля, буквально корчится от смеха, забыв про вожденный сон. Наш диалог ее очень забавляет. Мы сами не прочь пошутить вместе с ней, но нас занимает серьезный вопрос. Как избавиться от храпа. Точнее, от человека храпящего. В нашем купе.

Несколько дней назад я ехала в другом купе, тоже с людьми искусства – в направлении фестиваля. И все было бы хорошо, если бы одна из режиссеров не говорила слишком много. Она рассказала нам всю историю фильма, который везла на фестиваль, его предысторию – начиная с рождения: от задумки и идеи. Спустя пару часов после отправления поезда мы знали о съемках картины уже так много, словно сами ездили в экспедиции и сидели на монтаже. Практически уже чувствовали себя ее соавторами. Поскольку каждый фильм – как ребенок, мы уже практически вступили в роль приемных родителей. Вот только очень хотелось спать. Волевым решением я прекратила «интервью», точной снайперской командой уложив все купе. Как вскоре выяснилось,

это было большой ошибкой с моей стороны. Когда режиссер не говорила, она... храпела. Лучше было уснуть под ее воспоминания.

Давно я не ездила ночными поездами. С появлением скоростных «Сапсанов», «Ласточек», «Стрижей» жизнь стала проще. Мы забыли о том, что такое храпящий попутчик. За мою забывчивость теперь расплачивалась не я одна.

Режиссер храпела, как боевой конь. Все покашливания, похмыкивания, поцокивания языками были напрасны. Провалиться в сон удалось всего на час. Извертевшись за ночь, уже в 4 часа утра я выползла «на красную дорожку»: в проходе вагона, как положено, был ковер красного цвета. Из соседнего мужского купе появился мой друг – с ним тоже ехал человек храпящий. Остаток пути мы стояли, зевая и насильно встречая рассвет. И, чтобы не уснуть стоя, показывали друг другу красные нити хвостов самолетов, пролетающих над нашим поездом.

Вскоре к нам присоединился молодой талант из мужского купе – студент ВГИКа, соавтор сценария одного из фестивальных фильмов. Сонными заплетающимися языками мы говорили об искусстве и творчестве – проверенный способ не уснуть. В полуизмененном сознании договорились до сценария сюрреалистического фильма в мрачных туманных тонах... В это время из двух купе почти одновременно вышли бодрые и выспавшиеся храпуны.

Обратный путь рисковал быть таким же. Но на этот раз я была готова – и с бдительностью пограничника проверяла всех, кто входил в наше купе поезда «Лев Толстой». На всякий случай мне рассказали, что в этом фирменном (так и хочется написать в фильменном – поскольку он был выкуплен кинофестивалем) поезде есть библиотека. При самом плохом стечении обстоятельств я решила ретироваться туда, чтобы провести ночь с книгой. Она хотя бы молчит.

К моменту отправления поезда моя проверка дала следующие результаты. Режиссер-лауреат клятвенно уверяла, что не храпит. Ее внешний вид храпуна в ней тоже не выдавал – молода и прекрасна. С ней смело можно ехать в одном купе. Когда к нам вошла оператор-классик, от сердца отлегло. С ней мы были в экспедициях. Спали в одном номере. Проверку на храп она прошла давно. В легком посапывании была замечена, в храпе – никогда.

Но расслабляться было рано. В купе въехал животик, обтянутый белой майкой, а вслед за ним веселый и кучерявый его обладатель.

Оглядев купе, в котором сидели три интеллигентные с виду женщины, он протянул: «Вот я подозревал самое худшее!» – ни выпить, ни закусить, ни пошуметь, ни матом не поругаться.

Но самого худшего он не подозревал.

– Вы храпите? – строго спросила его я.

От неожиданности отвертеться он не смог. Пришлось признаться: храпел, да еще как.

Нужно было что-то срочно предпринимать, потому что перспектива встречать рассвет и на пути в Москву меня совсем не радовала: впереди был рабочий день. Пока мы препирались насчет верхней и нижней полки, мысли в моей голове вращались с бешеной скоростью – я обдумывала, куда деть белый животик и его обладателя из нашего купе. Решение было одно – нужно с кем-то меняться.

Режиссер-лауреат поняла, что в ближайшее время она не уснет и ей остается только с интересом наблюдать, как мы втроем – оператор-классик, я и обаятельный новый знакомый, оказавшийся режиссером детского кино, – разрабатываем план по обмену.

– В соседнем вагоне едет режиссер Проценко. Я с ней спала – она не храпит. Надо ее привести сюда, – предложила оператор-классик.

– Они хотят обменять меня по выгодному курсу! – радостно заорал на весь вагон режиссер детского кино.

Из соседнего купе ему тут же протянули свежий огурец. То ли чтобы замолчал, то ли чтобы под-

черкнуть его ценность. Режиссер захрустел огурцом – и сразу стало понятно, что храпит он так же смачно.

Оператора снарядили в соседний вагон вести переговоры по обмену с Проценко. Тем временем режиссер детского кино прорабатывал запасной вариант.

– Если я буду храпеть, вы меня дергайте за штанину, не стесняйтесь – я перевернусь и перестану, – сказал он.

Я живо представила себе, как буду слезать с верхней полки и дергать его за штанину при каждом звуке, и решила, что лучше уж снова встречать рассвет в 4 утра.

Быстро перескочив с темы храпа, попутчик уже рассказывал о бородатых викингах, о которых снимает кино. Мне все время хотелось спросить: «А они храпели?» Но из того же предательского чувства деликатности, что заставило меня задуматься о повторной встрече рассвета в 4 утра, я не решалась. Перешли к теме продюсерской работы. Он рассказал, каких трудов ему стоило однажды стать сопродюсером одной из своих картин, а потом, не стремясь к особой оригинальности, исполнил классическую мужскую арию «О нужен, нужен мне продюсер». Но, надо признать, в его трактовке это выглядело очень милым. Разговаривать с ним было так интересно, что в какой-то момент я даже огорчилась:

– Вы мне так понравились. Такой творческий человек! Если бы с вами еще не надо было спать.

Тем временем оператор, отправленная на переговоры об обменной операции в соседний вагон, как-то подозрительно пропала. Поезд тронулся, проводники стали отмечать, все ли на своих местах. Мы их начали просить, чтобы в следующем вагоне они нашли Проценко, а рядом с ней нашего оператора и напомнили ей, зачем она туда пришла.

– Небось уже качество новейшей киноаппаратуры обсуждают, – предположила я, вспомнив фанатизм нашего оператора, проявленный в этом вопросе во время экспедиций.

– Меня будут менять по невыгодному курсу, – вздохнул тем временем режиссер детского кино. Огурец ему больше никто не протянул.

Помолчали. Подумали. Каждый о своем. Я – о храпе. Представить еще одну такую ночь было невыносимо.

– Надо идти за проводниками, узнать, что там происходит, – сказала я.

– Придется, – с грустью глядя на расстеленную белоснежную постель, сказал режиссер детского кино, понимая, что вопрос стоит ребром.

Либо он мне не даст спать, либо я – ему. Природное уважение к продюсерам и вера в их могущество взяли верх.

– Идите узнайте, что там, – сказала я.

– Давайте пойдем вместе, – робко предложил он.

Режиссер-лауреат решила, что ей удастся отключиться и поспать хоть несколько минут, и тихо обрадовалась.

Мы отправились в соседний вагон.

Переговоры по обмену даже не начинались. В соседнем вагоне купе были разделены на мужские и женские, и все уже выгодно утрамбовались. Оператор с режиссером Проценко, как я и предполагала, обсуждали свойства новейших камер. По иронии судьбы в купе с Проценко ехала наша предыдущая соседка. Она, никого не слушая, продолжала рассказывать о своем фильме. Возможности предупредить Проценко о том, что ее ждет ночью и нужно срочно меняться к нам, не было. Тем более что дамы не желали пускать к себе в купе одинокого незнакомого мужчину.

– Мы спим в трусах, – аргументировали они.

Что-то возразить на это было трудно, но режиссер детского кино все-таки попытался.

– Я зайду позже, трусов не увижу, – рискнул возразить он.

Но девушки были непреклонны. Режиссер детского кино понял, что обмен в этот творческий коллектив не состоится, и мы сконцентрировались на мужском купе. В нем ехал друг нашего храпуна – мэтр документального кино, член жюри, с которым они жили в одной комнате на фестивале. Помня, что лучший подход к родителям через их детей, я обратилась к мэтру издалека:

– Вот мы с вами не очень хорошо знакомы. А сына вашего, тоже известного режиссера, я знаю гораздо лучше, – начала я.

– Это большой пробел в вашем образовании! – гневно отрезал мэтр документального кино и посмотрел на меня так, что я поняла без слов: он храпит. И еще как.

– Вы же храпите? – перешла сразу к делу я, так и не представившись члену жюри.

– Ну да! – ответил за него режиссер детского кино. Они громко и раскатисто рассмеялись. «Храпят так же бодро и тоже хором», – подумала я.

– Но мы жили в одном номере во время фестиваля. Мы друг другу не мешали. Мы уже схрапелись, – начали наперебой рассказывать мне они.

От сердца отлегло: стало понятно, что они должны ехать вместе. Но как?

Прошлое изучить их соседей по мужскому купе. Два еще неиспорченных реальностью отзвучивших интеллигента (тип кинематографиста, который я про себя называла «первый раз на фестивале, ой, спасибо, что позвали») ехали рядом. Но вокруг стоял такой шум, что они не могли понять, что происходит. Объяснить, как именно и почему им надо поменяться в другой вагон, собрались уже проводники со списком пассажиров, наше основное мужское и женское купе, ну и, на всякий случай, все остальные обитатели вагона. Все люди искусства говорили одновременно – как они умеют. Интеллигенты так перепугались, что намертво вцепились в нижнюю полку. Их не то что переместить в другое купе, сдвинуть с места было нельзя.

– Так, все замолчали, я им сейчас все объясню! – рявкнула я.

Воцарилась тишина, как на съемочной площадке.

– Сейчас будет говорить продюсер! – раздался шепот.

Эту команду понимали все собравшиеся кинематографисты.

Интеллигенты насторожились, как кролики, внезапно выбежавшие из высокой травы на ровное место, и приготовились слушать команду. Я раскрыла рот, чтобы конкретно поставить техническое задание, но вдруг услышала в гробовой тишине участвовавшее от волнения (тема сна очень болезненна для мужчин) дыхание режиссера детского кино и... начала смеяться так, что не могла остановиться. По моему лицу текли слезы. Краем глаза увидела, как режиссер Проценко потянулась к салфеткам и бутылке воды, а проводники – к аптечке, где хранилось успокоительное. Интеллигенты испугались еще больше и, кажется, взяли за руки, чтоб не разлучаться уже никогда. Они, наверное, подумали, что я перепила на церемонии закрытия фестиваля или просто истеричка.

«С продюсерами от напряжения бывает. Бедная, бедная, работа – большой стресс», – прочла я в их глазах. При этом невольно отметила, что они так изумительно затаили дыхание, что спать с такими одно удовольствие: они не то что храпеть – дышать боятся.

Вагон творцов уже снова галдел. Потому что, в отличие от меня, многие действительно выпили на церемонии закрытия. Нужно было успокаивать себя самой, снова угомонить остальных и приступать к очередному раунду переговоров. Я вытерла слезы,

успокоилась, выпила воды и для начала выгнала из купе режиссера детского кино, чтобы не смущал.

Потом серьезно и внятно сказала, обращаясь к интеллигентам, а также ко всей остальной публике, что судьбы трех женщин – в их руках. Равнялась в своем вагонном выступлении на маститых адвокатов. И это сработало.

– Я, в принципе, готов, – поправил очки один из интеллигентов.

В какой-то момент мне даже показалось, что его звали Шурик и он сейчас скажет «пожалуйста, по-медленнее – я записываю». Но его звали Филипп.

– Что нужно делать? – спросил он.

– Просто поменяться местами, – быстро ответила я.

– Где я буду спать?

– На нижней полке.

– А под ней есть место для багажа?

– Да сколько угодно!

– А постельное белье где?

– Уже вас ждет.

– Кто соседки?

– Три очаровательные и тихие дамы. Не храпящие.

– В чем подвох? – то ли он это подумал, то ли спросил – я даже не успела осознать, потому что в дверь купе просунулась кучерявая голова режиссера детского кино.

– Я, конечно, могу уйти на всю ночь в вагон-ресторан... – Оскорбленным чувствам его не было предела.

Я вытолкнула его в проход и сделала знак умолкнуть. Надо же, как не вовремя! Интеллигент почти у меня на крючке.

– Хорошо, пойдемте посмотрим! – решился Филипп.

Мы отправились в наш вагон. Он услышал тишину, увидел, как спит, раскинувшись во сне, нимфа – режиссер-лауреат. В купе фирменного поезда «Лев Толстой» пахло свежим бельем. На столе лежали дипломы и розы, стояла бутылка воды. Чистое полотенце и одноразовые тапочки были заботливо разложены над нижней полкой, где предстояло ему спать. Под ней было много места для багажа. Надписи на русском и немецком языках с инструкциями, как пользоваться вагоном, подтверждали серьезность всех наших намерений.

Он кивнул.

Сказал, что придет позже.

Я предложила ему ключ-карточку – в поезде, который ходит в Финляндию, дают такие, чтобы можно было войти в купе, если оно закрыто. Он ее взял.

– Я иногда посапываю. Дергайте меня за штанину, если что, – предупредила с соседней верхней полки оператор-классик.

– Я тоже могу посопеть – была простужена недавно, – ответила ей я.

Таким образом мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Проснулась я в половине шестого утра. За окном была красота. В купе – волшебная тишина. Я почувствовала себя выпавшейся и вспомнила, какая же это радость – ехать ночью в поезде. А потом вот так проснуться – и смотреть на российский пейзаж: березки, домики, озера...

И тут подозрение нарушило мою идиллию.

Я перегнула с верхней полки и посмотрела вниз.

Филипп ночью не пришел...

